

алексей
семёнов

Прощай, моя совесть!

Привет, моя месьть!

р о м а н

Алексей Александрович Семенов

Прощай, моя совесть!

Привет, моя месть!

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6089809

Прощай, моя совесть! Привет, моя месть!: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04505-8

Аннотация

У главной героини романа, девушки по прозвищу Лошадь, наверное, слишком счастливая жизнь. Поэтому все трагедии, все смерти в ближайшем окружении она воспринимает через любимое пирожное и свой сексологизм. Она наслаждается жизнью даже с петлей на шее. Она научилась этому. Повествование богато событиями, одно наслаивается на другое. И невозможно оторваться от книги, потому что она про нас – и плохих, и хороших одновременно.

Алексей Александрович Семенов

Прощай, моя совесть!

Привет, моя месть!

Кому угодно, но только не им..

– Здравствуйте, меня зовут Лошадь. И я – наркоманка.

– Здравствуй, Лошадь, – растягивая фразу, как дети в группе продленного дня, и переглядываясь, сказала группа из шести анонимных наркоманов в завязке.

– А еще я шизофреничка, на учете в городском психоневрологическом диспансере с четырнадцатью лет, социопатка – люто и, не сдерживая себя, презираю людей сознательно с пятнадцати, сексоголичка с тринадцати и вегетарианка с семнадцати лет. И если наркоту я на время, кажется, победила, то все остальные радости живут во мне очень ярко.

Все напряглись, не понимая происходящего, а Рыжая даже захихикала как-то нервно.

– У меня в голове живет лошадь, поэтому меня все зовут Лошадь. Многие не хотят, но я настаиваю – они привыкают. Хотя в лошадях нет ничего плохого, но применительно к девушке звучит как оскорбление. Такой общественный шаблон.

– А что ты хочешь от жизни? – произнес кто-то около входной двери.

Все обернулись. Это был Макс, один из самых brutальных и авторитетных наркоманов в завязке. Он смотрел на Лошадь, нагло изучая ее физиологию, облокотился на косяк и ждал ответа. За секунду Лошадь тоже осмотрела Макса. Увидела красивые своей наглостью глаза, увидела в них вызов себе, увидела, что он готов дерзить и вступить в ораторский бой, поэтому ответила искренне:

– Я хочу дом, семью и написать книгу.

– Так это же так просто – завести семью... – удивилась Рыжая, оглядываясь по сторонам в поиске поддержки.

– Для многих – просто, – за Лошадь ответил Макс, глядя ей в глаза. – А вот для Лошади – это самая большая проблема.

– Почему? – Спрашивая это, Лошадь хотела, чтобы Макс или кто угодно другой правильно ответил на вопрос. Именно так, как она, долго мучаясь ночами, да и днями тоже, выводила ответ на этот вопрос. И вывела его.

– Потому что умная, – ответил Макс. – Сложно найти достойного.

– Потому что планка завышенная, – вызывающе перебила Макса девушка, появившаяся в проходе рядом с ним. Она красиво и четко обвила руками его шею, пропустив ухо между большим и безымянным пальцами, и своими губами проглотила его губы.

– Ну вот, как всегда, пришла Нина и все испортила, – как-то по-личному прошептала Рыжая.

Все задвигались на стульях, смущенно отворачиваясь от целующихся, и, в спасительном волнении найдя на стуле Лошадь, воткнули свой взгляд в нее.

Лошадь же с интересом рассматривала целующихся, чем повторно смутила всю группу бывших наркоманов, сознание которых теперь было расколото вопросом: прилично ли смотреть на тех, кто неприлично смотрит на неприлично целующихся?

– Не бойся, красотка, не отберу, – уверенно повышая голос, сказала Лошадь.

Поцелуй остановился, все замерли, а Рыжая даже сжала ноги в коленях и подтянула их к животу, предчувствуя большой конфликт.

Нина выпустила пальцы из волос Макса, слегка улыбнулась ему, прищурил глаза, и, практически одними губами прошептал «Я ненадолго, ладно?», опасно двинулась в центр зала к Лошади.

Пока она делала эти десять шагов, Лошадь успела рассмотреть, насколько красивая и безвременно стильная Нина. Наверняка она была моделью или даже сейчас – модель. Из-под черной, корсетной формы блузки по шее до мочки уха тянулись извивающиеся тонкие листья татуировки. Частью какого рисунка они были, Лошадь не успела додумать, потому что, словно делая это на уровне автоматизма, Нина в

движении подхватила за спинку свободный стул, пользуясь рукой, как рычагом, вскинула его высоко вверх и с громким выдохом «хэ-э-э-эй» обрушила на сидящую Лошадь.

Спать не получалось, поэтому Лошадь набрала его номер в четыре утра.

– Малыш, что-то случилось? – услышала его сонный голос.

– Да нет, все нормально, – слишком спокойно проговорила она. – Звоню сказать, что я тебя не люблю. Да и не любила никогда.

– Я не понял прикола. Совсем не смешная и отвратительная шутка.

– Это не шутка. Прощай.

Лошадь отключила телефон, понимая, что он будет звонить до тех пор, пока не сойдет с ума.

Он ее любил, но ей было этого мало. Лошадь достала из холодильника лед, завернула в салфетку, прижала к голове и легла на пол. Голова болела, потому что Нина ударила профессионально – ребром ножки. Лошадь на какое-то время потеряла сознание. А когда вернулась, многие из ребят уже ушли. Нина и Макс, разумеется, – тоже. Проводить Лошадь домой очень захотела Рыжая.

– Как тебя зовут? – спросила, приподнимаясь, Лошадь.

– Надя, – поморщилась Рыжая. – Стремное имя, правда? Поэтому я предпочитаю – Рыжая.

– Хорошо, Рыжая, это тебе Нина велела меня отвести, а потом ей все рассказать?

– Нет. Честно. У меня с ней свои счеты.

– Расскажешь?

– Потом как-нибудь, когда пойму, что тебе можно доверять.

– Логично.

Лошадь поднялась с пола и села на стул. Осмотрела себя – небольшие царапины на руках, голова болела не сильно, только шишка.

– Вроде я нормально отделалась?

– Ну да, только вот тут еще... – Рыжая достала зеркальце и открыла перед лицом Лошади.

По лбу Лошади шли две вертикальные параллельные царапины, видимо ножка расцарапала.

– Да нормально.

– Даже красиво, – с улыбкой поддержала Рыжая.

– Пойдем выпьем чего-нибудь?

– Я не против.

У входа были припаркованы две машины: белый Jaguar Лошади и черный Porsche Cayenne – Рыжей. Решили ехать на Jag, но за руль села Рыжая.

– Расскажешь мне про них? – спросила Лошадь, когда машина тронулась.

– Про Нину с Максом?

– И про них, и про всех. Я смотрю, тут все такие не про-

стые. Целое мажорское сообщество. Идеально – взорвать всех сразу. Людям бы понравилось.

– Ну ты зря, – возразила Рыжая. – Вот мажоров-то тут как раз не много.

– Странно, но они же все наркоманы с бабками.

– Да, но ты-то тоже такая, – улыbnулась Рыжая.

– Согласна. Итак, кто этот красавчик в бабочке?

– В бабочке был Винсент.

– Кличка Винсент?

– Да нет, имя такое. Отец у него коллекционер живописи.

Причем такой, настоящей. Фанат Ван Гога, вот и назвал его Винсентом.

– Чушь какая. Отец – дегенерат.

– Да нормально, чё ты такая категоричная. Отец – клевый, я бы с таким трахнулась. А Винсента Винсом все зовут. Нормально. Лучше чем Петя.

– Лучше чем Петя, но хуже чем Петр. Ладно, проехали. Так что он?

– Лоббисты команды предыдущего президента не пускали в страну сеть Starbucks, поэтому он, зная, что вечно так продолжаться не будет, после кризиса за сравнительно небольшие деньги выкупал в собственность конченные кафешки и небольшие квартиры на первых этажах в центре крупных городов страны. Он говорил, что, потратив пять миллионов, купил пятьдесят восемь помещений.

– Мило. И что?

– Потом к власти пришел новый президент, а Винс в тот же миг, не делая нигде ремонта, завесил все фасады баннерами «Мировая сеть кофеен. Скоро».

– И стал ждать?

– Нет, он организовал более ста писем от разных людей в главный офис Starbucks, мол, «спасибо, что наконец-то появляетесь и у нас». А те – ни сном ни духом. Аналитиков отправили, ну те и вышли на связь с Винсом.

– И за сколько он продал им все это счастье?

– За семьдесят четыре миллиона. Отцу вернул деньги и на черном рынке искусства купил ему картину «Юноша с васильком», которую Ван Гог написал в конце своей жизни в Овер-сюр-Уазе.

– Охренеть можно!

– Не то слово.

– Да, он прекрасен, но неужели в нем нет ничего плохого? Ведь так не бывает? Он – гей?

– Нет, гей у нас Платон. А Винс просто в открытую спит с проститутками. Считает это честностью.

– Ну, слава богу, а то я уж подумала, что он маньячелло какой.

– Кто его знает. – Рыжая выдохнула. – Кто друг друга вообще знает...

Звонок в дверь в восемь утра вернул из воспоминаний предыдущего дня и напугал Лошадь. Она сняла примочку с

головы и в одних трусах тихо пошла к дверному глазку.

– Черт, теперь он мне не даст покоя. Надо переезжать, на хрен, отсюда.

Однако за дверью стоял не он, а какой-то другой парень.

– Чё надо? – крикнула, не открывая, Лошадь.

– Доставка из «Авалона».

– О, прекрасно, – сказала Лошадь, распахивая дверь. Она вспомнила, что вчера, будучи уже пьяной, догадалась заказать на сегодня еду и шампанское себе домой.

Посыльный – парень лет пятнадцати – сделал шаг в квартиру, но, увидев Лошадь в одних трусах, остановился у порога.

– Да заходи уже давай, не стесняйся, – спокойно пригласила Лошадь.

Парень выставил всю еду, пару раз взглянув на Лошадь через зеркала на стенах прихожей, забрал деньги и ушел, полный впечатлений, которые будут возбуждать его всю дальнейшую жизнь.

А Лошадь уселась на диван и откупорила Asti Martini. Сделала пять глотков из горла и приложила холодную бутылку к голове. «Фу, совсем хорошо».

Шампанское сняло напряжение в затылке. «Странная штука, – подумала Лошадь, – если бы не стулом по голове, то я, наверное, еще долго тянула бы эти странные отношения с ним, не стала бы разрывать, а тут бах – и все. Все-таки, когда ты в агонии, принимаешь нормальные решения. Или мое

подсознание решило, что так комфортно – в один момент все скинуть... Черт его знает, но интересно».

Лошадь опять потянулась за шампанским и только сейчас заметила номер телефона, написанный ручкой на руке. Это был телефон Рыжей. Рыжая написала его в баре, совершенно на автомате, когда рассказывала про очередного члена общества анонимных наркоманов.

– Вероника... – начала Рыжая после того, как за барной стойкой «Авалона» они заказали каждой по пять рюмок белой текилы Olmeca. – Абсолютно банальная история – периодически встречалась с уже сильно взрослым и богатым с шестнадцатилетней девственностью. Не играла в любовь, а сразу с ним договорилась – пятьдесят тысяч за каждый месяц. За это all inclusive, кроме игры в настоящую любовь.

– Это забавно – делать минет, когда тебе не нравится человек, но делать надо. Похоже на изнасилование. Мужикам это нравится.

– Ну да, этим она и подкупила его, это даже его заводило – ее небрежность, ее открытая демонстрация, что она с ним только из-за денег. И это ее унижение возбуждало мужика, у которого в эмоциональном плане уже было в жизни все, кроме этого.

– А ты того мужика видела, красивый? Как, кстати, его фамилия?

– Ну такой... Они, политики, все красивые. Люди же некрасивых политиков не выбирают. И всегда такой чрез-

мерно ухоженный.

– Да, если у них вечернее телешоу, то они весь день морды пудрят и маски делают. В этом работа этих политиков – отлично выглядеть и складно разглагольствовать, те еще актеры. Так как, говоришь, его зовут?

– Романов, он – депутат парламента.

– Знаешь, Рыжая, я уверена, что где-то внутри, втайне, он знал, что не пройдет и нескольких месяцев, как она станет зависимой от него, а возможно, полюбит. Не по привычке, а по-настоящему. Так всегда: знакомишься – думаешь, что он для меня слишком взрослый. А проходит двадцать минут, понимаешь: клевый – потянет.

– Точно. Вероника, сама этого не ощущая, все глубже тонет в жизни своего взрослого мужчины. Знаешь, все больше и больше скучает по нему, когда он проводит время со своей семьей.

– А жена знает про нее? – спросила Лошадь.

– Знает, но куда ей деваться с тремя-то детьми. Сидит по-малкивает. Молодых аниматоров, наверное, в Турции со своими подружками мстительно трахает.

– Уже целая плеяда сорокалетних неуловимых мстительниц сформировалась, которые двадцатилетними замуж удачно вышли.

Рыжая залезла на барный стул и, поднимая бокал, громко провозгласила тост:

– За то, чтобы наши любовники были моложе нас!

На них посмотрели, но мало кто даже улыбнулся. Шутка и порыв не накрыли всех. Рыжая сползла обратно на стул.

– Ну а кто тот парень, на нищего похожий?

– Лысый?

– Ну да.

– Это Физ. Он должен был стать компьютерным гением, шарил лучше всех. Ты когда-нибудь видела систему, которая в Интернете находит случайного пользователя и соединяет тебя с ним?

– Чат-рулетка, что ли?

– Да, это он придумал.

– Нет, это неправда. Какой-то русский школьник ее придумал...

– Это произошло много лет спустя. А вначале был Физ. Он нам ее показывал еще давно, до этого школьника.

– Так а почему не запустил?

– У него в тот год на отца в третий раз покушались. Взорвали на стадионе. Уже не мелочились. Он после этого долго размышлял, что глобально принесет чат-рулетка отдельному интернет-пользователю: добро или зло?

– И что?

– Он решил, что – зло. И не стал патентовать проект.

– Сейчас бы он огромных денег стоил.

– У него деньги и так есть. Матери, как таковой, не было – Физа отец воспитывал, когда развелся с матерью. Он его тогда очень жестко у нее отнимал – через неправду, подстав-

ляя ее по-разному. Поэтому Физу все деньги отца достались и предприятия. Потом те, кто, скорее всего, и взорвал, пришли к нему выкупать доли в бизнес.

– И он продал?

– Разумеется, продал. Торговаться или сопротивляться не стал – не дурак. Провал. Не так дорого, как бизнес стоил, наверное, но все же.

– И много получил?

– Он не говорил, но знаешь, эсэмэски приходят в конце месяца о зачислении процентов на текущий счет? Так вот, я случайно одно сообщение у него увидела – начислено за месяц двадцать семь тысяч. А сколько этих счетов – кто его знает.

– А чё же он как бомж одевается?

– Сама спроси – не знаю. Может, нравится, может, специально понтует, а может – наплевал на все.

После этого Рыжая и Лошадь заказывали Martini Extra Dry с водкой Grey Gus, пока не сбились со счета порций. Очнувшись Лошадь уже в своей квартире, с гремящей головой. Лошади были интересны все ребята, состоящие в сообществе, – каждый из них, пройдя нелегкий путь зависимости от разной наркоты, пытался справиться. Поэтому она была немного расстроена, что не обо всех расспросила Рыжую.

Вспоминая события прошедшего дня, Лошадь периодически засыпала, разгружаясь от напряжения. Уже вечерело, когда очередной многократный и настырный звонок разбу-

дил ее.

«Во черт, теперь это точно он. Ну не хочу я с ним выясняться». Тем не менее Лошадь поднялась и пошла к двери. Сквозь глазок она увидела Рыжую с каким-то листом бумаги в руке. Рыжая кричала и махала руками. Лошадь открыла дверь.

– Какие-то козлы разбили мне в машине боковое заднее и положили на сиденье этот хренов лист, – выпалила Рыжая на одном дыхании и быстро вошла в квартиру. – О, прикольные кресла, я тоже себе заказала новую обивку с выбитым велюром.

Лошадь взяла у нее лист бумаги, на котором обыкновенным шрифтом Arial было напечатано «ЭКСПОЗИЦИЯ».

– Я залезла в Википедию, так она мне так много значений дала... Хер знает, что и думать, – открывая Red Bull и падая в кресло, продолжала Рыжая.

– А почему ты думаешь, что на это нужно как-то реагировать?

– Потому что осколков стекла нет – вырезали как в детективах, ровный лист бумаги на заднем сиденье, и даже ничего из тачки не...

Рыжая не успела договорить, как хлопок, звук лопнувшего стекла и звон падающих осколков окна гостиной перебил ее убедительную речь. Большой камень, обернутый белой бумагой, подкатился к ногам Лошади, и все стихло. Рыжая вжалась в кресло и тихонько скулила от испуга.

Лошадь подняла камень, сняла измятый лист и расправила его. Посмотрев, ухмыльнулась.

– Что там? – тихо спросила Рыжая.

– Валентинка, – усмехнулась Лошадь и протянула бумагу Рыжей. – Сама не догадываешься?

Рыжая взяла листок. На нем тем же обычным Arial было написано «ЭКСПОЗИЦИЯ».

– Мне вот только интересно, – сказала Лошадь, откупоривая двадцатипятилетний виски Makkalen, – это мне послание или опять тебе?

– Мне тоже налей чистого, – тихо попросила Рыжая.

– Ты же на машине.

– Мне уже все равно и, вообще, страшно. Я же никому плохого не делала ничего, Лошадь, честно... Как в фильмах про маньяков.

– Я знаю, Рыжая, не ссакать. Все будет хорошо. Надо выяснить, что это за херня такая с «ЭКСПОЗИЦИЕЙ».

Зазвонил телефон Рыжей.

– Это Макс, – удивленно уставившись на экран, потом на Лошадь, сказала Рыжая.

– Так бери, чё тянешь. Только на динамик внешний переключи.

– Але, Макс, привет. – Рыжая, переключая телефон на громкую связь. – Чё ты?

– Рыжая, – не здороваясь, начал Макс. – Тебе что-нибудь слово «ЭКСПОЗИЦИЯ» говорит?

– Твою мать... – заскулила Рыжая и сползла на пол, опять в страхе поджав ноги под себя.

– Макс, привет, это Лошадь. Просто Рыжая у меня, и ей совсем поплохело. Не против, если я продолжу разговор?

– Ну здравствуй, Лошадь, – не смутившись и даже как-то по-родственному ответил Макс. – Как голова?

– Потом расскажу, нормально. Что там с «ЭКСПОЗИЦИЕЙ»?

– А что у вас?

– Разбитое стекло машины и «ЭКСПОЗИЦИЯ» на заднем сиденье у Рыжей, а у меня десять минут назад камень, обернутый в «ЭКСПОЗИЦИЮ», разбил окно гостиной. Что это?

– Не знаю пока. У нас тут то же у всех: у меня «ЭКСПОЗИЦИЯ» вырезана на капоте машины, у Нины зарезан Малкович...

– Кто это?

– Доберман, а под его лапу положен лист с «ЭКСПОЗИЦИЕЙ», у Вероники... словом, у всех наших из общества есть «ЭКСПОЗИЦИЯ».

– Жопа какая-то.

– И эта жопа началась, когда ты нарисовалась! – услышала Лошадь в трубке крик Нины.

– Так что через полтора часа все встречаемся в «Сейфе» и будем заново знакомиться, – продолжал Макс.

– Я бы на твоём месте не вздумала не прийти, – прокричала Нина, – мы мертвого трахнем!!!

– Я это уже поняла, – спокойно сказала Лошадь, глядя на испуганную Рыжую, – мы будем обязательно.

Лошадь закончила разговор, подошла к столику, взяла виски и, словно пила компот, сделала из горла семь глотков.

– Так, Рыжая, перестань ныть, садись и рассказывай про всех остальных ребят из сообщества. Надо подумать. – Лошадь залезла на подоконник.

– Про всех? Про кого теперь?

– Про Нину и Макса.

– Нина, значит, – напряглась Рыжая, начиная рассказ. – Нина... Ее в общество привел отец.

– А разве не Макс?

– Нет, Макс с ней был, когда уже слез, а она жестко сидела на коксе. Он ее не мог уговорить. Видно, что совсем конечная модель была.

– Я так и думала.

– Что думала?

– А что модель.

– Ну да. Она по миру много ездила, любимой моделью Yamamoto была даже какое-то время, пока во французском Playboy не стала playmate года. После этого он от нее отказался и на показы больше не брал.

– Ревновал?

– Ну не знаю я их личных отношений. Она говорила, что отцу на его день рождения сделала такой подарок – снялась голой.

– Прекрасный подарок.

– Наверное, не будь он послом во Франции.

– Ого, она крутая. Мне нравится.

– Как она может тебе нравиться после того, как отхерачила стулом? – искренне удивилась Рыжая.

– Я сама виновата – напросилась. Я чувствовала это. Не нужно было мне так себя вести.

– Ну ты даешь.

– Мне вот что непонятно. Как получилось, что после того, как против папаши своего такой финт выкинула, она послушной стала и в общество по его указке пришла?

– Не знаю, но она его сейчас очень слушается. Делает все, что он скажет. Просто мармеладная стала с ним. Говорит, что всем ему обязана, и знает, как сильно он ее любит.

– Но должна же быть какая-то причина.

– Я не знаю, надо у кого-нибудь выяснить, с кем она больше всех общается.

– А с кем она общается?

– Да ни с кем, она презирает общество, как и ты...

– Да уж, мы с ней во многом похожи... – задумалась над сказанным Лошадь. – Понятно, в общем, давай дальше. Макс.

– Так, значит, Макс... – словно на экзамене напрягалась Рыжая. – Он создал это общество. Потому что совсем в своей музыке убил себя. Он участвовал в первом проекте «Фабрики звезд», но музыкальная карьера не сложилась, вот он

с катушек и снесся. Друзья все на сцене, в клипах, вокруг толпы фанатов, а он один остался после славы временной. Сначала пил, дальше – героин. Что-то писал, к продюсерам ходил. А потом – забил. Года четыре жестко сидел на герыче, пока не очнулся от передоза в клинике. Еле выходили. С тех пор отходит.

– А с Ниной как познакомился?

– У них отцы – чиновники. Они на каком-то мероприятии познакомились.

– Понятно, избалованное и пропащее детство с измененными ценностями в жизни.

– Знаешь, Макс – совсем странный. На первый взгляд козел еще тот, но это не так. Он семью очень хочет и детей. Сам про это говорил много раз, но как-то не складываются у него долгие отношения. Слишком он требовательный, что ли...

– Ты с ним спала тоже? – прервала рассказ Лошадь.

– Фу-ты... Умеешь же ты так сразу... – немного смутилась Рыжая. Задумалась. Продолжила: – Мы не были вместе. Я просто несколько раз оказалась рядом с ним, когда ему совсем плохо было в жизни, понимаешь?

– Так трахалась или нет?

– Ну да, только это не как по любви было.

– Как по физиологии?

– Нет, это как-то по-дружески, что ли...

– Понятно. Хорошая дружба. Он с Ниной поругается – и к тебе в кровать прыгает для успокоения. А ты как мать Тереза

прям.

– Мне его жалко. Да и красивый он в своей грусти. Нравилось мне с ним трахаться.

– С этого бы и начинала, – рассмеялась Лошадь. – Не сомневаюсь в этом.

– Вот, – спеша поменять тему, продолжила Рыжая, – а потом Нину отец привел. Теперь они вместе и сюда ходят. Тут я и с Ниной уже познакомилась. Вроде нормально у них все, но чувствуется, что тоже не то...

– А ты?

– А я только от случая к случаю, – грустно улыбнулась Рыжая.

– Как-то противно по-достоевскому.

– Не суди, Лошадь. Это моя жизнь. Не простая, как и у всех, при ближайшем рассмотрении.

– Ладно, извини. Я в душ.

– Давай. Я пока в телевизор попялюсь.

Лошадь ушла в ванную комнату, а Рыжая решила рассмотреть ее квартиру. Это была большая квартира-студио, метров сто общей площади. Чисто. Даже педантично чисто. Такое чувство, что тут живет эгоцентрист. Фотографии на комод. Маленькая Лошадь на плечах у папы смеется так, как можно смеяться только в беззаботном детстве. Семейная фотка – папа, мама, Лошадь и младший брат. Красивый. «Интересно, – подумала Рыжая, – он в нашем городе живет?» На полках не было фотографии парня Лошади, даже

друзей на фотографиях не было. Только семья. «Где же телевизор?» Рыжая осмотрелась. Телевизора не было. Рыжая заглянула в приоткрытую дверь ванной, откуда доносился шум воды душа. Зашла так, что Лошадь не услышала.

– Лоша-адь... – позвала Рыжая, закрывая крышку унитаза и усаживаясь на него.

– Черт, ты меня напугала, – выглянула из душевой кабины Лошадь.

– Ты мойся-мойся, я тут посижу, – улыбнулась Рыжая.

– Рыжая, – опять выглянула Лошадь, – ты часом не бисексуалка? Может, мне для твоей радости дверцу приоткрыть?

– Да вроде нет, хотя ты мне не противна, а даже наоборот... А ты часом не лесбиянка? Я не увидела фотографий твоего парня. Он существует?

– Был, да сплыл, – перекрикивая шум воды, ответила Лошадь.

– А брат где? Познакомишь?

– Посмотрим на твое поведение, – улыбаясь, прокричала Лошадь.

– А родители?

Лошадь выключила воду и выглянула из кабинки.

– Дай полотенце, пожалуйста...

Пока она вытиралась, Рыжая увидела какую-то жирную черную полосу, которая шла у Лошади от шеи по всему позвоночнику до копчика.

– Лошадь, это что – татуха?

– Да, Рыжая, татуха. А ты к бабочкам на копчике привыкла?

– И что она значит?

– Значит, что я должна помнить.

– Помнить что?

– Помнить все, Рыжая. Тебе не кажется, что ты слишком много вопросов задаешь?

– Ну, извини за любопытство. Я, знаешь, тоже все помню. Многие вещи хочу забыть, а не могу.

– Уже пора ехать.

– Последний вопрос можно?

– Давай, но только последний, – согласилась Лошадь, залезая в трусы.

– Ты богатая?

Лошадь посмотрела на Рыжую, как на младшую сестренку, подошла и обняла ее.

– Богатая, Рыжая. Можно дружить, – сказала и рассмеялась.

– Ну прекрати ты, – смутилась Рыжая. – Это я чтоб знать – платить за тебя везде или на равных. Я бы за тебя платила – мне нравится с тобой общаться.

– А почему не «дружить»?

– Для этого время надо, – ответила Рыжая.

– Мне тоже нравится с тобой общаться, Рыжая. Не бойсь, подружимся! – оптимистично уверила Лошадь.

Пока ехали в «Сейф», Рыжая успела рассказать о послед-

них двоих членах общества анонимных наркоманов – гее Платоне и странной корейской «половинке» Мише.

– Так вот, – начала Рыжая, – остались Платон и Миша. Платон – гейский гей. Ты как, кстати, к геям?

– Толерантно, – улыбнулась Лошадь.

– Про то, что он – гей, знают все. Даже его предки, прикинь, знают. Со временем спокойно стали относиться. А когда он с наркотой завязал и в общество вступил, можно сказать – вообще хорошо. Опять же – опрятный всегда, галантный, подружкам матери нравится.

– Взрослые тетки вообще любят геев. Он манерный? Я не слышала, как он говорит. Меня манерные раздражают.

– Так манерные – это не геи.

– В смысле «не геи»? – удивилась Лошадь.

– Манерные – это пидовки, а Платон – гей.

– Бред какой. Это кто такую муру придумал?

– Геи и придумали, чтоб дистанцироваться от пидовок.

– Завязывай этот разговор – бесит он, – поморщилась Лошадь. – Скажи только, откуда у него бабки и дружит ли он близко с Максом и Ниной?

– Лошадь, мы все в какой-то мере дружим с Максом и Ниной. Мы – одна семья по общей беде, и только вместе нам спокойнее. Мы видим таких же конченных в прошлом, как и сами. И это нас спасает. Зачем, думаешь, на собраниях мы говорим «Я уже два года и четыре месяца не употребляю»?

– И зачем?

– Чтоб каждый понимал, что хоть и хочется иногда, но надо держаться, как другие твои друзья. Им тоже плохо, но они держатся. И я должна.

– Понимаю.

– А деньги у Платона от политиков. Знаешь, что они, как и мы, поддерживают друг друга. У Платона рекламное агентство. Через него размещают всю рекламу правящей партии в телике, радио и наружке.

– Большие бюджеты?

– Нереальные... И системные.

– А кто конкретно у него связующее звено? – рассмеялась Лошадь.

– Фу-ты, – Рыжая тоже заулыбалась скабрёзости, – не знаю кто. Не видела никогда его. Спроси у него сама.

– Как-нибудь спрошу. Давай про Мишу. Чё ей мужское имя дали?

– Говорит, что Миша – более женское имя, чем мужское. Мишшшшаа. Чувствуешь, что оно более женское?

– Не чувствую. Знаю только, что Михаил – очень красивое и мужское.

– Ну а она – Миша. Родители – артисты из драмы нашей.

– А, тогда понятно. Считай – повезло, а то могли бы какое-то более сложное дать – из нескольких имен, например. Они считают, это модно.

– Миша – «половинка».

– Это что значит?

– Наполовину – корейка. Когда наполовину – их «половинками» называют. Она в этом году заканчивает универ, будет актрисой. Уже сейчас много предложений – внешность интересная.

– Сумасшедшая, как все студентки театральных?

– Ну не без этого, – согласилась Рыжая. – Всегда какие-то модности притаскивает из универа. Сейчас у них модно слово «говно» ко всему добавлять.

– Это как?

– Ну, например, говоришь ей: «Это классный фильм?» А она: «Это не фильм, а говнофильм какой-то» или «Миша, это народная мудрость», а она: «Это говномудрость».

– И долго такие сдвиги продолжаются? – рассмеялась Лошадь.

– Да нет, как все модности – быстро проходят. Сейчас она уже на завершающей стадии – не так часто говорит.

– А у нее деньги есть? Это твой любимый вопрос, Рыжая, – приобняла приятельницу Лошадь.

– Да прекрати ты, – засмушалась та. – Бабок у нее мало, но говорит, что хватает. Гордая и экономная.

– Говногордая, как Нина?

– Нет, классная, без говна в душе. И с Ниной она не очень.

– Ну, прекрасно. – Лошадь показала парковщику, чтобы тот открыл шлагбаум перед въездом в «Сейф».

Тот, увидев двух девушек в дорогом автомобиле, по-холоуйски обрадовался и постарался услужить. Припарковав-

шись, Лошадь и Рыжая вошли в «Сейф».

В самом углу были сдвинуты несколько столов, за ними собрались все, кроме Макса и Нины.

– ...И я уж никак не ожидал, что мэр тоже геем окажется, прикиньте, – эмоционально рассказывал Платон какую-то историю.

– Не манерный, – шепнула Лошадь Рыжей, кивая в сторону Платона и подходя к столу. – Всем привет.

– Привет, Лошадь, – услышала она в ответ только от Платона и Вероники.

Остальные отморозились. Вероника встала, подошла и обняла Рыжую:

– Ну чё, ты тоже получила?

– Да, блин, уроды, стекло в машине разбили.

Многие смотрели на Лошадь, как в первый раз.

– Ребята, если вас накрутили, что я к этому как-то причастна, то это неправда, – решила первой поднять всех волнующую тему Лошадь.

– Ну давай с тебя и начнем, – услышала она за спиной голос Нины, которая вместе с Максом только что завалились в «Сейф».

– Будем что-то пить? – словно ничего не произошло, спросил у всех Макс. – Я точно буду.

Все поддержали, поэтому Макс заказал на всех пять самых больших сетов из японского меню, пять бутылок сливо-

вого вина и три литра sake. Когда официант ушел, посмотрел на Лошадь:

– Давай, Лошадь, начинай.

– Начинать «что»? – спросила Лошадь.

– Что ты думаешь по поводу «ЭКСПОЗИЦИИ»?

– Мне слегка страшновато, потому что я получила сегодня разбитое камнем с запиской окно.

– Да, я там тоже была в этот момент, – вставила Рыжая.

– Это не имеет значения, – ворвалась в разговор Нина. – Она могла сама себя так подставить, чтобы на нее не подумали. Могла ведь, Лошадь?!

– Могла. Но зачем? Я думаю, что сейчас нужно искать не того, кто это сделал. Тут нужно искать причину того, что сделали, – спокойно рассуждала Лошадь.

– И какая же может быть причина? – спросил Физ, впервые отрываясь от iPad.

– А вот этого, Физ, я уже не знаю. Думаю, вам всем это должно быть лучше известно. Если прислали всем из общества, значит, это сделал враг всего общества, а не чей-то конкретный враг, понимаешь?

– Логично, – сказал Физ, вновь пялясь в экран.

– Поэтому тут уж я могу у вас спросить: кто ваш враг и не делали ли вы кому чего-то плохого? – Лошадь сказала это деликатно, после чего обвела взглядом всех ребят.

При этих словах Физ поднял голову и посмотрел на Макса так, как будто их связывала какая-то история. Макс от-

вел взгляд и стал наливать сливовое вино в бокалы. Нина тоже пристально рассматривала ребят, а встретившись взглядом с Платоном, засмеялась, потому что Платон томно прикусил губу, преувеличенно театрально изображая страсть. Винс посмотрел на часы, соорудил гримасу, демонстративно давая понять, что ему здесь скучно и все это бестолково. Вероника оторвалась от эсэмэсок, которые постоянно строчила на телефоне, и поймала на себе взгляд Нины. Почувствовав, что та смотрит с особым пристрастием, громко выдала: «Что-о-о-о?!», тем самым разряжая тихое паническое недоверие.

– Послушайте, – сказала Миша. – Мне кажется, что это просто какая-то говношутка одного из нас. Надо, чтоб он признался в этом, и все. А мы простим. И забудем. И набухаемся.

– Ты о чем?! – огрызнулась Нина. – Малковичу горло перерезали, как в фильмах ужасов, какой-нить бритвой. А ты говоришь – «шутка»? Я все равно считаю, что это от Лошади исходит. – Нина опять повернулась к Лошади: – Лошадь, скажи, ты вчера вела себя как сука, и я тебя стулом огрела. А ты за это решила всех запугать и собаку мою убила. Просто скажи «да».

– Нина, – начала Лошадь, – посмотри на меня, пожалуйста. Я признаю, вчера на собрании повела себя по-свински, пытаюсь глупо хамнуть, но уверяю тебя, я это сделала не специально, а по привычке, понимаешь. Из самообороны, что

ли. Ты мне глубоко симпатична. И я прошу прощения за свой вчерашний поступок.

Рыжая смотрела на Лошадь и просто не могла поверить своим глазам.

Бывает же в человеке такое внутреннее благородство. Как-то случилось бы, какой-то маленький проступок, ну ляпнула что-то про Нину и Макса, а сколько сожаления из-за этого. Она прониклась к Лошади еще большим уважением. Да и все ребята как-то по-другому теперь смотрели на Лошадь. Даже Физ выключил компьютер и, подперев щеки ладонями, благоговейно следил за происходящим. А Лошадь продолжала:

– Я, честно говоря, вообще мало общалась с людьми – как-то недолюбливала и презирала их. Им меня не понять. Было не понять, когда я нюхала. Не понять сейчас, когда я стараюсь не нюхать. Вот вчера отголоски этого и ворвались. У меня такое чувство, что я знаю вас уже давно. Как минимум, мы все прошли через одну большую историю по имени «наркотики». И в отличие от остальных людей мы точно знаем про то, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Хоть вы с опаской относитесь ко мне, но я хочу сказать, что буду счастлива, если вы примете меня в свой круг общения и дружбы. И еще, Нина, чтобы окончательно убедить тебя в том, что я искренне раскаиваюсь в содеянном вчера, я выражу это через осознанную боль. И прошу вас не пугаться.

Лошадь из заднего кармана джинсовых шорт достала раскладной нож, мгновенно открыла его и сосредоточенно про-

вела лезвием по левой раскрытой ладони от указательного пальца к запястью.

– Вот debilка, – заскулил Платон.

Одной рукой Лошадь сложила нож и убрала его в карман.

– Лови! – крикнул ей Винс и кинул ошибори.

Лошадь зажала раненой рукой полотенце и попросила у Миши большой бокал sake.

– Налей два, – раздался голос Нины.

Когда Миша налила два бокала, Нина взяла оба и подошла к Лошади.

– Лошадь, – сглотнула Нина, – я оценила твой поступок и отношусь к нему серьезно. Не могу сказать, что прощаю тебя после этого, но, по крайней мере, лед тронулся. И хочу все-таки понять, что стоит за этой «ЭКСПОЗИЦИЕЙ». Это же не просто так.

– Я хочу этого не меньше, чем ты, Нина, – поддержала Лошадь.

– Ты же, надеюсь, поняла, что из простого хулиганства собаку бы не стали убивать?

– Это точно.

– Значит, будет продолжение.

– По драматургии и классическому построению сюжета произведения за «ЭКСПОЗИЦИЕЙ» следует «ЗАВЯЗКА», – как-то обреченно выдохнула Лошадь.

– Именно. И если это так, если в этом замысел каких-то козлов, то «Завязка» будет серьезнее, чем камень в окно.

– Нина, запиши мой номер телефона, чтобы мы могли отслеживать происходящее и обсуждать.

– Ок. Давай диктуй...

Но разговор прервала Мипта:

– Слушайте, а чё мы тут мучаемся: кто да что? Давайте просто в полицию позвоним.

– И что мы им скажем? – ухмыльнулся Макс. – Але, полиция, тут группа бывших наркоманов в панике от филологии. Не имея дозы, они в поту боятся всего. Сегодня для них всего страшней слово «ЭКСПОЗИЦИЯ». Спасите-помогите. Потому что завтра может «ЭКСГУМАЦИЯ» прийти или того страшнее – «ЭЯКУЛЯЦИЯ».

Все заржали, и обстановка немного разрядилась.

– Может, все это не так серьезно, как мы загнались? – разливая sake, предположил Платон. – Давайте нахерачимся и поедем в «Андроген». Я позвоню «Казакам», чтоб они программу подготовили. Я оплачу их.

Все радостно заплодировали.

– Вы как хотите, – сказал, вставая, Физ, – а я сваливаю. Не хочу я на педрил танцующих пялиться, извини, Платон.

– Фу-ты, Физ, а еще космополит называется. Некрасиво, вроде бы ты умный, а тут так занижаешь к себе уважение, – серьезно заявил Платон.

– Мне наплевать на уважение к себе, ты же знаешь... А тебя это не касается. Я к тебе нормально отношусь.

– А за что ко мне можно плохо относиться?! – обиделся

Платон.

– Есть за что... – Физ даже не посмотрел в сторону ребят, развернулся и пошел к выходу. – Всем пока.

– И тебе пока, – загрустив, сказал Платон. – Ну что, так идем в «Андроген», или я мгновенно всеми нелюбим стал?

– Щас пойдем, дай кальян докурить, – отозвалась Миша.

– Я на улице вас дождусь, заодно позвоню в клуб. – И Платон, забрав сумку, ушел.

Физ вышел на улицу. Погода была нормальная. Он посмотрел на свою не модную машину, стоящую возле салона Ferrari, заметил взгляд охранников салона, который выражал презрение к его тачке, как будто все Ferrari мира были их собственностью. Сначала подумал, что, может быть, зайти и взять две машины – как Джулия Робертс в фильме «Красотка» утерла нос продавщицам. Потом решил: не стоит – чего это ради он должен перед охранниками устраивать это шоу? Потом подумал, что это он не для них устроит, а для себя – чтобы не осталось в памяти осадка после этих презрительных взглядов охранников. Потом хотел еще глубже развить эту мысль, но не успел.

– Физ, привет, – услышал он голос Арины и обернулся.

В джинсах и простой майке, без каблучков, без косметики – чуть туши на ресницах, без лака, сережек, тату и прочей внешней мишуры, с ноутбуком под мышкой Арина была современным совершенством. Ей ничем не надо было укра-

шать свое идеальное тело, чтобы радовать мир. Арина не была проституткой, с которыми все свое свободное время проводил Физ, она была студенткой. Встречалась с каким-то своим примажоренным однокурсником, разрабатывающим сайты на flashe. Не из особой любви, а потому что так проще было.

Когда Арина впервые переспала с Физом, утром он, уходя из ее квартиры, как-то машинально с похмелья оставил деньги на столе. Она ничего ему потом не сказала, да он и не спрашивал. Стал оставлять всегда, когда они встречались, – на кухне, на полке в ванной, в сумку клал. А она никогда не вспоминала про деньги. Не говорила, словно и не было. Это сильно подбешивало Физа. И он чувствовал, что Арина даже любила его, ничего совершенно не зная про его гениальный ум и большое финансовое состояние. Любила просто так. Говорила: «Физ, ты умный. У тебя все получится. Ты обязательно заработаешь миллион».

– Привет, Арина, – обрадовался Физ и обнял Арину. – Ты куда?

– Увидела тебя, и теперь – никуда. С тобой. Куда скажешь.

– Поехали, посидим где-нибудь.

Арина покосилась на машину Физа:

– Только, чур, на моей машине. Не обижайся, ок?

– С чего мне обижаться? Я люблю свою машину.

– Пойдем, – приобняла его Арина, – машина у меня в подземном паркинге.

Парни, которые влюблены в девушку, встречающуюся с другим, первым делом спрашивают о том, как поживает ее парень. Вот и Физ в этом плане не был исключением.

– Как поживает твой компьютерный избалованный гений?

– Я, на хрен, вообще не понимаю, что теперь делать?

– Что случилось?

– Понимаешь, я как-то заметила, что мой MacBook Air был заряжен на сто процентов, когда я его оставляла, а потом забрала и на паре открыла – он совсем севший был.

– И что тут такого? Может, неплотно закрыла...

– Не гони, Физ, я знаю, что ты с компами не особо дружен.

Ну извини.

– И что?

– Я подумала, что, может, это мой Стасик что-то там делал?

– Это его имя, что ли, такое? Стасик. А полное имя какое?

– Стас.

– А полнее нет? Какое-то оно конченное, – улыбнулся Физ.

– Ну не знаю я полнее. Станислав, скорее всего. Но это еще хуже. А какое у тебя? Почему ты это держишь в секрете? Как тебя зовут по паспорту?

– По паспорту? Наташа.

– Фу, дурак, я серьезно, а он...

– Ну давай, продолжай, что там с твоим Стасиком? – Физ улыбнулся вновь.

Арина посмотрела строго, заметив эту улыбку.

– Ты опять? – Ей уже было в какой-то степени обидно за себя в этой ситуации.

– Извини, произвольно. Постараюсь себя сдерживать. Но давай договоримся, чтоб я не смеялся, ты больше не будешь его по имени называть. Никогда.

– А как мне его называть? – удивилась Арина.

– он, его, ему – и только с маленькой буквы. Пусть у него не будет имени. Идет?

– Идет, – серьезно посмотрела на него Арина, внутренне понимая, что Физ не хочет, чтобы она называла Стаса по имени. А это значит, что Физ...

Но Физ перебил ход ее быстрых мыслей:

– Ну так что там с ним?

– Он в компьютерах шарит, – прогнав радостную догадку, сказала Арина.

– Ну, допустим.

– Я подумала, может, он мне чего туда поставил. Сейчас все говорят о программах пересылки данных и все такое.

– И что?

– Я отнесла компьютерщикам, говорю – посмотрите, у меня тут ничего не крадут? Ну, они сегодня позвонили, говорят, мы тут все разложили, приезжайте, надо вам все показать и рассказать.

– Ты уже была?

– Вот только от них еду.

– И что они сказали?

– Они сказали, что вся моя тусня в Интернете – сообщения в социальных сетях, то, что я смотрю, на чьи страницы захожу, кто мне что присылает, все письма с моих электронных почт – все это автоматически копировалось на другой сервер.

– Мило.

– Мило?! Ты это называешь «мило»?!

– А чё ты на меня злишься, как будто это я у тебя в письмах копаюсь. Не путай.

– Извини. Они мне дали ID или IP адрес компа – я всегда их путаю, – который был сервером. И мне осталось определить, чей же это компьютер.

– А как ты думаешь, чей? – с наигранным сочувствием спросил Физ.

– А ты-то как сам думаешь?! – вскипела Арина.

– Ну вот опять. Как будто опять я это все...

– Ну прости меня, Физ. – Арина остановилась и обняла приятеля. – Просто нервничаю я. И решить не могу – сравнить мне адрес с его компом или нет. Знать точно, что это он, или не надо. Понимаешь, если я буду точно знать, что это он, то как мне с ним потом жить, с этим чувством.

– Понимаю.

– А так, я вроде бы знаю, а вроде бы и нет. Всегда могу для себя его оправдать – сказать, а это не он. Это кто-то другой – сосед, однокурсник, ты, например.

– Это я, точно, – улыбнулся Физ.

– Ну ты-то хоть, Физ, понимаешь, про что я говорю? – вытирая слезы, спросила Арина.

– Понимаю, Арин. Только ты сама можешь решить, как поступать в такой ситуации. Но помни всегда, если что – я рядом. – словно фокусник, Физ достал носовой платок и протянул Арине.

– Спасибо, дорогой.

Они подошли к торговому центру, на нулевом этаже которого находился паркинг.

– Физ, вот ключи от машины, она в первой линии к выезду. А я сейчас в аптеку на секунду забегу за каплями в нос. От слез трудно дышать стало, – шмыгнула носом Арина и, поцеловав Физа, ушла вверх по лестнице.

Физ постоял на месте, обдумывая происходящее, пока шаги Арины не стихли. После этого посмотрел по сторонам, открыл сумку и достал из нее свой ноутбук HP. Открыл крышку, взялся за нее двумя руками и, размахнувшись, со всей силы ударил компьютер об угол стены паркинга.

Прислушавшись к тишине после удара, он поднял развалины компьютера и проделал то же самое еще раз. И еще. Потом собрал обломки, бросил их в мусорный бак и побрел к машине. Она нашлась легко, потому что, среагировав на отключение сигнализации, пискнула и моргнула фарами. Физ сел спереди рядом с водительским сиденьем, и только хотел поменять радиостанцию Kiss Fm на «Ренессанс», как его телефон просигнализировал о полученном сообщении. Он до-

стал из кармана iPhone. От анонимного абонента пришло сообщение. Только одно слово крупными буквами – «ЗАВЯЗКА». В тот же миг чья-то быстрая рука с заднего сиденья машины вонзила в шею Физа иглу шприца и прыснула сквозь нее все содержимое.

– Ну и хрень. – Это единственное, что успел сказать Физ перед быстрым погружением в сон.

В то же мгновение телефоны всех ребят из общества анонимных наркоманов в «Сейфе» просигналили о доставке нового сообщения.

Арина спустилась в паркинг на лифте. Подошла к тому месту, где оставила автомобиль. Машины не было. С улыбкой она посмотрела по сторонам, ожидая увидеть спрятанную за углом «Mazda», с моргающими фарами и улыбающимся Физом, но ее нигде не было. Она набрала номер мобильного Физа, но аппарат был отключен. Арина глубоко вздохнула, растерянно улыбнулась, не зная, что думать и как поступить. Наконец решила вернуться в торговый центр и ждать в каком-нибудь кафе, когда Физ включит телефон. Несколько часов она названивала ему, спускаясь в паркинг посмотреть, не появилась ли ее «Mazda», но нет – Физа не было.

Вызвала такси.

Поехала домой.

Решила не думать.

– У вас то же самое? «ЗАВЯЗКА»? – прокричал Платон, вбегая в «Сейф», но, увидев изумленные лица ребят, воткнувших в экраны своих телефонов, понял, что сморозил глупость.

– Дайте номер Физа, я позвоню узнать. Хотя тут и так понятно, – предположила Лошадь.

Миша залезла в свою адресную книгу и, найдя телефон Физа, протянула трубку Лошади. Та переписала номер себе и стала набирать.

– Слушайте, – привлекла общее внимание Миша, – мы все получили сообщение, значит, его отправил не кто-то из нас. Мог только Физ.

– Но это глупое предположение про Физа, – не согласилась с ней Лошадь, – у него аппарат вообще отключен.

– Ну вот – написал, разослал и выключил свой говнотелефон, – гнула свое Миша.

– Слушайте, а Физ-то тут при чем? – удивился Винс.

– Ты знаешь, что у него крыша поехала после того, как отца взорвали? – повернувшись к Винсу, атаковала Миша. – Он даже потом сам обратился в психоневрологический диспансер.

– Это ни о чем не говорит, – заметил Макс.

– И прошел курс лечения, понимаешь? – не унималась Миша.

– Ты-то откуда знаешь? – удивилась Рыжая.

– Мы с ним там и познакомились... – выпалила Миша и,

увидев удивленные лица ребят, быстро продолжила: – Да, я тоже проходила реабилитацию.

– Я догадывался, что ты – шизофреничка, Миш, – сказал Платон, – но с шизой теперь ты мне даже больше нравишься.

– Да заткнись ты, – оборвала Нина. – Миша, продолжай. При чем тут его нервы и все происходящее? У него одна проблема: он панически не доверяет людям после того, как отца рванули. Он же с проститутками только поэтому и спит, чтоб точно знать, что его не обманывают в чувствах.

– Миш, при чем тут это и «ЗАВЯЗКА»? – выпалила Рыжая.

– Ну не знаю, – падая на диван, обиженно надулась Миша. – Там конченная история и тут. Да еще его нет сейчас с нами. Вот я и подумала, может, это кто из сумасшедших, с которыми он тогда познакомился на стационарном лечении? Все же знали, что он – при бабле. При бабле, при бабле, при бабле-е-е, – пропела она последнюю фразу как в плохих опереттах.

– Плохой из тебя следователь, Миш, извини, – вмешалась Лошадь. – Надо искать что-то тяжелое. Нужно искать причину или того, кто стоит за запугиванием всех нас.

– Я в туалет, – вставая, робко сообщила Миша.

– Я с тобой, – поддержала Лошадь.

В туалете Миша включила воду и умылась, Лошадь села на диванчик рядом с умывальником.

– Миш, – начала она, – ты производишь впечатление

очень честной девушки.

– Спасибо, Лошадь.

– Скажи мне, какие конченные истории были среди ребят, в которых задействовано их максимальное количество.

– Истории?

– Ну да, например подставили кого-то, кинули, наказали... Словом, все, за что можно зацепиться.

– Щас, – сосредоточилась Миша. – Значит, была конченная история, когда на какой-то пьянке все поспорили, кто быстрее с данного момента заработает миллион. И каждый внес в фонд по сто тысяч. Победитель получает этот фонд.

– И кто победил?

– Вероника победила. Хотя это Макс придумал.

– И как они заработали?

– Банальная разводка. Вероника для своего депутата имитировала беременность. Тошноту поизображала, а потом, типа, пошла в туалет с тестом на беременность. Вернулась с двумя полосками.

– Тот, разумеется, в шоке.

– Макс с Вероникой тоже на это надеялись, но все оказалось как раз наоборот – он очень обрадовался. Сказал, чтоб обязательно рожала, что будет содержать ребенка всю жизнь и все такое.

– Прекрасный расклад.

– Тогда Макс за сто тысяч договорился с доктором из какой-то женской консультации. Депутат и Вероника пришли

к нему, тот, типа, достал какие-то анализы и навешал лапшу, что ребенок будет с отклонениями, говнохромосомы и все такое. Сказал, что нужно срочно делать аборт.

– Дикая тема.

– Ну да, хотели по-легкому, а получилось, что забурились.

– Доктор с акушерками имитировали аборт. Вероника тогда рассказывала, что ее Романов, депутат, ревел даже в клинике. А после он ей два миллиона положил на счет и квартиру купил в центре.

– Свинство какое, а?! – не выдержала Лошадь.

– Ну такое. Макс считает, что разводить тех, кто страну разводит, – благо. Вот они с Вероникой пополам два миллиона от депутата получили и девятьсот тысяч от нашего общего фонда.

– Так, может, «ЭКСПОЗИЦИЯ» и «ЗАВЯЗКА» отсюда растут? Может, депутат узнал?

– Я не знаю, но вряд ли. Он Веронику стал даже больше любить с тех пор. И сейчас с ней носится, как с маленьким ребенком.

– Понятно.

– Что – понятно?

– Понятно, что ничего не понятно. Ладно, Миш, спасибо. Теперь надо думать. Вспомнишь еще что-то – позвони, идет?

– Идет, конечно. Я же тоже хочу, чтоб эта история быстрее закончилась невинной шуткой кого-то из наших.

– Но жизнь не всегда шутка.

– Это точно. Идем, там, наверное, тоже что-то расследовали...

– Идем узнаем...

Миша остановилась в проеме двери и заплакала:

– Лошадь, и ты не конченная... Вот что я хотела сказать.

– А за это – отдельное спасибо. – И неожиданно для Миши Лошадь поцеловала ее в щеку. – Чё ты плачешь-то?

– Не обращай внимания, – заулыбалась Миша, – это я просто репетирую внезапный плач.

– Ну ты даешь! – улыбнулась Лошадь и пошла в зал.

– Поверила? Поверила, да?! – Миша радостно догоняла и дергала Лошадь за руку. – Из меня получится Клаудиа Кардинале.

Когда они вернулись, ребята обсуждали какую-то историю.

– А если у него деньги кончились, и он таким образом решил вернуться к той истории – начал нас пугать, – предположил Винс.

– Ему нечего пугать, – огрызнулся Макс, – суд постановил, что она была не права. И денег у него после этого предостаточно. Кроме того, я ему звонил в тот вечер, когда с «ЭКСПОЗИЦИЕЙ» началось. Тоже подумал про него. Но нет – он нормальный был, пьяненький и не злой уже. Спросил у него, как дела, – он сказал, все у него хорошо. У него дети учатся в Англии. Через две недели заканчивают и возвращаются домой. Вот он их ждет и попивает тихонько.

– Ну да, – сказала Рыжая, – с тех пор уже пять лет прошло.

– А что за история? – шепнула Лошадь Рыжей.

– Потом расскажу, – также шепотом ответила та.

– Платон, – начала Вероника, – может, ноги растут от того видео, что ты в Интернет слил?

– Послушай, Ника, сколько раз можно тебе говорить, что не сливал я его. Не я все это организовал – просто меня подставили тогда.

– Ну не знаю, если бы я так замазался, то тоже про тебя думал, – усмехнулся Винс.

– А что за история? – спросила Лошадь.

– Тебе не обязательно знать, – ответил за всех Макс.

– Макс, а почему нет? – заступилась за Лошадь Нина.

Лошадь посмотрела на Нину и одними губами сказала «спасибо».

– Ты считаешь, что новичок в нашем обществе должен знать все наши внутренние дела? – удивился Макс.

– Ну иначе ей вообще тут не место, понимаешь. Я думаю, что сегодня своим поступком Лошадь показала, что ей можно хотя бы отчасти доверять. А та история не является какой-то тайной – тем более она в инете прошла очень активно, сколько бы ее ни пытались почистить.

– Так что за история? – Почувствовав поддержку, Лошадь перешла в атаку.

– Дело в том, что отец Макса попросил его организовать сауну для своих дальних публичных знакомых. Ну все – бух-

ло, наркоту, проституток.

– А я был занят в этот день, – поддержал разговор Макс.

– Мы в Амстердаме просто тусили втроем с Винсом, – продолжила Нина.

– Неплохо, кстати, было, – улыбнулся Винс.

– И я позвонил и попросил Платона все организовать, – продолжил историю Макс.

– И что из этого? – удивилась Лошадь.

– Ну а на следующий день весь Интернет был забит видео скрытой камеры, где один из них нюхает кокс, другой трахает проститутку, а третий трахает матрас. – Сколько бы раз Макс ни рассказывал эту историю, он всегда при словах «трахает матрас» начинал безудержно ржать.

Настроение подхватили все и некоторое время смеялись.

– Слушайте, – удивилась Лошадь, – может, я старомодная. Но сейчас модно трахать матрасы?

– Нет, не модно. Просто он трахал матрас, чтобы разогреться перед проституткой, – улыбнулся Платон.

– У проститутки матрас был на разогреве, – выпалила Миша, и все опять засмеялись.

– Словом, кто-то тут слил всю эту историю так, что успели поставить камеры и все записать. Так получается? – спросила Лошадь.

– Ну да, кто-то слил, а все думают, что это я, – грустно объяснил Платон. – Типа гей и на все способен – представляешь, какие ужасные стереотипы. А я-то знаю, что это не я.

– И чем история закончилась? – спросила Лошадь.

– Да ничем, – ответил Макс. – Интернет пытаются почистить, но не получается. Набираешь «трахает матрас» в Google, и все видео всплывает – наслаждайся.

– Ну а с их стороны какие-то претензии были? – спросила Лошадь.

– Просто поорали, отец стрелы перекинул с себя на Платона, – сказал Макс и, посмотрев на Платона, продолжил: – А куда было деваться, дорогой?! Ты же где-то лоханулся.

– А может, твой отец просто все запланировал и через тебя подставил Платона? – серьезно предположила Лошадь.

– Ну этого я уже не знаю, – очень строго, глядя в глаза Лошади, ответил Макс, – может, он и запланировал, благо отец у меня не идиот.

– Я тогда, получается, идиот, – встрепенулся Платон.

– Я имею в виду то, что даже если и он запланировал, то мы этого никогда не узнаем, – отреагировал Макс. – А догадки – не истина. Кроме того, Платон, тебе ли жаловаться?! –

– О-о-о! – пропела Лошадь. – Платон, да ты подзаработал еще на этом? Сколько отец Макса тебе отвалил?

Платон покосился на Макса.

– А чё ты смотришь на меня, можешь говорить, раз уж начал, – огрызнулся на Платона Макс, а потом повернулся к Лошади и четко произнес: – Пятьсот штук.

– Странно получается, – искренно удивилась Лошадь, – другой бы на его месте, зная, что Платон всех подставил, жо-

пу бы ему порвал, – все хихикнули, – а не одаривал такими суммами.

Лошадь хотела углубиться в эту мысль, но, поймав строгий взгляд Макса и его просительно качающуюся голову, решила поменять тему.

– Ну хорошо, может, это фанаты матрасов с «ЭКСПОЗИЦИЕЙ» развлекаются? Может быть, пришло время для мести? У них же все загнулось, наверное, после этого видео – бизнес, отношения, карьера?! – предположила Лошадь.

– У одного из них небольшая националистическая говногруппировка, но это на их стиль не похоже – они скорее яйцами бы забросали, а в крайнем случае – побили Платона, – ответила Миша.

– Спасибо, друзья. – Взяв чужой бокал, Платон сделал большой глоток. – Вы мне настроение испортили. Я один пошел в «Андроген».

– Я с тобой, Платон, – сказала Нина.

Она подошла к Максy и, наклонившись к самому уху, сказала:

– Макс, не обижайся, я побуду с ним сегодня, чтоб он не отмочил чего сгоряча.

– Хорошо, спасибо, Нин. Веди себя хорошо, к «Казакам» не приставай.

– Они же – геи, – улыбнулась Нина.

– Да, но ты же не лесбиянка.

Нина горячо поцеловала Макса, взяла сумку и, крикнув

«Всем пока», взяла Платона под ручку и выкатила из «Сейфа».

Потом общение было грустным и каким-то бестолковым. Но когда все уставились в телевизор – по MTV транслировался клип Мадонны, в котором танцевали «Казачки», – Макс пододвинулся ближе к Лошади и тихо сказал:

– Через тридцать минут жду тебя в отеле Intercontinental. Номер 9-18. – И, попрощавшись со всеми, тоже ушел.

– Рыжая, – позвала Лошадь, – пойдём в солярий, а то мне эндорфинов не хватает.

– Всем пока. Увидимся, – поддержала Рыжая.

И они вдвоем направились к выходу.

– На сколько минут? – спросила девушка, работающая в солярии.

– Два раза по десять, – ответила Лошадь.

– Это как? – спросила Рыжая.

– Ну, сначала я на десять, потом – ты. А пока я в солярии, ты мне расскажешь ту историю про мужика, которому Макс денег дал и перед которым он до сих пор испытывает страх.

– А, этот... – вспомнила Рыжая. – Но это его история, я, наверное, не должна за него...

– Послушай, Рыжая, – перебила Лошадь. – Давай бартер: я тебе секрет большой раскрываю, а ты мне эту историю с Максом.

Лошадь расплатилась за солярий, и сотрудница пригласи-

ла их в кабинку. Когда они вошли, Лошадь как ни в чем не бывало стала раздеваться.

– Рыжая, ты в солярий в одежде ходишь? – улыбнулась она. – Да не стесняйся ты меня, что с тобой вообще такое?

– Да я и не стесняюсь. – Рыжая тоже стала раздеваться. – Лошадь...

– Что?

– Не будешь меня дурой считать? – скромно спросила Рыжая.

– Не буду, кроме того, ты – не дура.

– У меня татуировка, про которую ты думаешь, что она – конченная.

Лошадь улыбнулась:

– Бабочка на копчике?

– Ну да, вот смотри. – Рыжая повернулась. – Понимаешь, я ее очень давно сделала. До того, как все женское стадо ринулось себе такую татуху делать. Это они потом опошлили ее.

Лошадь посмотрела:

– Рыжая, не бери в голову. Татуха еще ни о чем не говорит. У тебя она неплохая. И подходит тебе.

– Спасибо. Я согласна, давай свой секрет, – улыбнулась Рыжая, явно предвкушая услышать что-то оригинальное от Лошади.

– Нина ушла с Платоном в клуб, а он, видимо, решил меня трахнуть. Через двадцать минут ждет в Intercontinental.

– Офиге-е-еть... – выдохнула Рыжая. – Вот козел.

– Тебе за себя обидно или за Нину? – спросила Лошадь.

– Да мне ни за кого не обидно, просто он – козел, вот и все.

– Ну и как там поживает твое искреннее достоевское страдание к нему, про которое ты мне вчера рассказывала? Все еще готова бежать к нему по его команде?

– Лошадь, не дави. – Рыжая села на корточки, облокотившись о стенку.

Лошадь вошла в солярий и нажала кнопку «старт». Заиграла музыка, но она выключила ее и выглянула из кабинки.

– Рыжая, не мучай себя. Залезай давай сюда, здесь места хватит.

Рыжая посмотрела на Лошадь, обдумывая ее рассказ про Макса, махнула рукой и залезла в кабинку.

– Лошадь, и что, ты пойдешь к нему? – спросила она, надевая очки, защищающие глаза от ультрафиолета.

– А вот на это я тебе отвечу после твоего рассказа про мужика и Макса.

– Хорошо, значит, так... – Рыжая собралась с мыслями. – Пять лет назад Макс ехал на машине Нины и сбил какую-то бабу.

– Сбил насмерть?

– Да. Она в больнице умерла.

– Кошмар.

– Конечно, кошмар. Тогда такой кипеш был, потому что на машине у Нины депутатские номера ее отца. Номера

быстро свинтили гаишники, но какой-то прохожий успел сфотографировать на телефон.

– Пока не понимаю, что тут такого серьезного, если баба была виновата? Чего они так запаниковали?

– По гаишным сводкам, тетку сбили за пешеходным переходом через два метра. Но на фотографии с телефона – она лежит через два метра, но половина машины стоит на пешеходном переходе, и четко виден тормозной путь.

– То есть получается, что Макс был виноват?

– В реальности – да, по тому, как дело шло – нет. В Интернете волна поднялась по этому поводу – «Новая смерть от рук мажоров». Целое сообщество в Facebook организовалось, все рассчитали – тормозной путь, скорость, место столкновения. По всему выходило – Макс сбил ее на переходе.

– Да-а-а-а... – выдохнула Лошадь.

– Словом, учитывая то, что и гаишники замазались, составив неправильный протокол, мужу этой мертвой тетки нужно было бы просто начать процесс, вложив в дело эти фотографии и найдя того, кто их снял. Но он этого не сделал.

– Почему? – Пораженная историей, Лошадь нажала кнопку «стоп» в солярии и открыла кабинку.

– Ну, тут уж и Макс, и его папа, и Нинин – все взяли его в оборот. Да и наши тоже переживали.

– Разумеется, ведь Макс лидер общества.

– Да, но только я думаю, что Макс в машине был не один.

– А с кем?

– С кем-то нашим и был.

– С Ниной?

– Наверное.

– Но это ведь не важно. Макс же был за рулем, – рассуждала Лошадь. – А как тогда история закончилась?

– Они заплатили тому мужику. У него дети учатся в Европе, вот бабки и нужны были. Да и мертвую уже не вернешь. Вот он и взял бабло.

– Сколько они дали?

– Макс как-то по пьяни сказал, что порядка пяти миллионов.

– И как ему живется после этого? – спросила Лошадь и начала одеваться.

– Вот будешь с ним трахаться сегодня – сама и спроси, – ответила Рыжая, поняв, что Лошадь решила идти к Максиму.

– Может, он по делу какому меня позвал? – нахмутив брови, ответила Лошадь. – Может, он знает про тех, кто решил запугивать. Может, это муж этой убитой?

– Да нет, Макс же сказал, что ему звонил и вентилировал. Там спокойно. Тут какая-то другая муть, по-моему. Может – любители матрасов, а может, еще что. Надо повспоминать, кому мы где насрали.

– Это точно, – усмехнулась Лошадь.

– А если абстрагированно посмотреть, – продолжала Рыжая, – то ничего страшного не произошло – ну, прислали

всем эсэмэски, ну, разбили окно. Какие-то дебилы развлекаются, вот и все...

– Посмотрим-посмотрим... – Лошадь взяла сумку, повернулась к голой Рыжей. – Рыжая, если я с ним все-таки пересплю, ты перестанешь со мной знаться?

– Нет, Лошадь, – Рыжая была спокойна, – я перестану знаться с ним.

Лошадь подошла к голой Рыжей, обняла ее и в самое ухо прошептала:

– Я не стану с ним спать.

– Не думай, что этим ты делаешь мне одолжение, – улыбнулась Рыжая.

Лошадь поцеловала ее и закрыла за собой дверь.

Рыжая стояла посредине кабинки и о чем-то сосредоточенно думала. Через несколько секунд, приняв какое-то решение, она взяла телефон, нашла номер в телефонной книге и набрала его.

– Але... Слышишь меня? – Рыжая кричала в трубку, потому что из нее орала музыка. – Выйди туда, где тихо. Да!!! Срочно!!!

Музыка в телефоне стихла.

– Щас слышишь? – Рыжая понизила голос. – Тут такая история, Нин, даже не знаю, с чего начать...

Лошадь вошла в холл отеля Intercontinental. Она очень любила по выходным, когда не было времени уезжать за пределы страны, снимать номер в отеле и валяться два дня под-

ряд, на уровне физиологии ощущая отдых. А в воскресенье ходить на бранч и наблюдать, как иностранцы собираются на два-три часа большими дружными компаниями с детьми, в повседневной, а не пафосной одежде, и перекусывают за неспешной беседой. В последний раз маленькая девочка в гороховом платье подбежала к ней и протянула шоколадную конфету, которая, похоже, была девочке очень дорога, потому что успела растаять в ладошке. Лошадь съела конфету и вытерла ладонь девчужке салфеткой.

«Видимо, мое одиночество гнетущее впечатление производит на людей», – подумала тогда Лошадь и твердо решила в этом году забеременеть для себя от какого-нибудь носителя качественного генофонда. Сейчас, зайдя в отель, Лошадь вспомнила те мысли и усмехнулась тому, что по всем показателям – интеллект плюс внешность плюс фигура – Макс исключительно для этой цели подходил.

Поднявшись на лифте, Лошадь постучала в номер люкс.

В одних джинсах с бутылкой Dom Perignon в руке Макс приоткрыл дверь и облокотился о стену.

– Так мне входить или будем в коридоре разговаривать? – с вызовом сказала Лошадь и, не дожидаясь ответа, пошла в комнату, отодвинув телом Макса, а рукой забрав у него шампанское. За несколько шагов она опустошила бутылку до дна, опустила руку, и бутылка плавно выскользнула на ковер, а Лошадь завалилась на диван.

Макс с улыбкой наблюдал от порога, наслаждаясь уверен-

ными движениями Лошади.

– Может, закроешь дверь, Макс, а то я еще от прошлых нежностей твоей Нины не отошла, – пошутила Лошадь, потирая голову.

– Нина не очень-то и моя, – бросил Макс, закрывая дверь и направляясь к Лошади.

– Здорово у тебя получается: Нина – не твоя, но трахаешь, Рыжая – тоже не твоя, но тоже периодически трахаешь, – решила атаковать Лошадь.

– О, какие глубокие познания моей личной жизни?! – удивился Макс, улыбаясь. – Интересуешься мной, Лошадь?

– В какой-то степени.

– И можно спросить – для чего? – Добродушие не сходило с его лица.

– Спроси.

– Для чего? – словно Чеширский кот пропел Макс.

– Подыскиваю отца для своего ребенка.

– Сколько ему лет?

– Пока нисколько.

– Понятно, ищешь качественный сперматозоид... – Макс посмотрел на Лошадь, близко наклоняя голову к ее лицу, и прошипел: – Но я плохой, Лошадь...

– Я знаю, – тоже прошипела Лошадь, почти вплотную приближая к нему лицо.

– Очень плохой, Лошадь.

– Я знаю, что про тебя говорят: «Когда Макс хороший –

он очень хороший, когда Макс плохой – он очень плохой». Меня устраивает.

И неожиданно для Макса Лошадь притянула к себе Макса, впиалась губами в его губы.

Упав с дивана, они катались по ковру, издавая звуки, более похожие на рычание, нежели на ласковое мурлыканье влюбленных. Оказавшись сверху, Лошадь сжала руками шею несопротивляющегося Макса и глаза в глаза зарядила ему «тебе пи...ц».

– Не сомневаюсь в этом, – улыбаясь, прохрипел Макс в тот самый миг, когда Лошадь с утробным рычанием принялась лизать языком ему лицо – агрессивно и чувственно.

Макс стащил с Лошади майку. Обхватил руками груди, крепко их сжал, оставив соски между пальцами. Потом приподнялся и провел по правому соску языком. Лошадь замерла, стоя над Максом. Он подул холодным воздухом на влажный сосок, а потом жадно втянул его в рот. И еще. И еще раз. Подул опять. Обхватил ртом и, оставляя внутри, стал гладить языком. Вверх... Вниз... По кругу. Именно сейчас, именно к Лошади он испытывал непреодолимую тягу и нежность. И именно сейчас в его сознании проносились тошнотворные вечера, когда он, обдолбанный коксом, сидел и не понимал, кто он и зачем живет, где его семья, дети, где он сам? В этот момент на полу с Лошадью он чувствовал, что сейчас зарождается его настоящее, его будущее, он чувствовал это. И сейчас он был счастлив.

Лошадь сама вошла Максом в себя – взяла его член и села на него с силой всего своего желания. И тишина, которая неожиданно отсекала все неистовство происходящего. Тишина. И Лошадь, и Макс прислушивались к самим себе и друг к другу в этот момент.

– Я – девственница, – разряжая атмосферу, пошутила Лошадь. – Двигайся ты.

Макс положил руки на бедра Лошади, крепко сжал, а потом слегка ударил, прислушиваясь к реакции Лошади, приподнялся, входя глубже, опустился. Ударил еще. И так с промежутками... Неожиданно... Сильно и нежно. В несколько движений он вошел в Лошадь полностью и плотно прижался к ней всем телом. С радостью. С несвойственной этому жесткому внешне человеку благодарностью. Потом опустился. Руками поджал колени Лошади так, чтобы они были на его груди, и стал, ускоряясь, входить и выходить из нее. Сцепив руки в замок за ее спиной, он с силой направлял тело Лошади на себя, не давая ей возможности двигаться, и издавал внутриутробный звук, и Лошадь... Она уже плохо сообщала, что происходит... Ее тело хотело оргазма. И не было ничего на свете важнее в эти минуты, чем качественный оргазм с радостью на сердце.

Она кончила раньше и опять вцепилась в шею Макса, всем своим поведением демонстрируя, с каким удовольствием убила бы его сейчас. Поняв, что Лошадь кончила, Макс кончил тоже. Он бы уже давно кончил, но не простил бы се-

бе, если бы этого не произошло с Лошадью. Он так страстно хотел, чтобы она была счастлива. Всего за несколько этих минут Макс дал Лошади безграничный кредит доверия, что ли... Или любовь... Макс всегда очень боялся этого слова, поэтому в голове его промелькнуло «кредит доверия».

Если несколько секунд они оба, словно дикие звери, ревели в конвульсиях оргазма, то через тихую паузу осознали, на каких животных только что были похожи, и, не стовариваясь, рассмеялись.

– Черт, – произнесла, вставая, Лошадь, с выражением лица совершенно другим, нежели то, с каким зашла в номер. – Здорово.

– Это называется «здорово»?! – сквозь улыбку проговорил, тоже поднимаясь, Макс. – Это было прекрасно! Неистово! Счастье, Лошадь.

– Счастье? – удивилась она, натягивая трусы. – Это был секс, Макс. Просто секс. Или ты из тех, кто путает качественный минет с любовью?

– Лошадь, – нахмурился Макс и, скрывая неловкость, стал сосредоточенно залезать в джинсы. – Что за прикол?! Ты после секса всегда такая злая?

– Извини, я не злая. Хотя нет – злая.

– И чего ты злая? Давай я сниму эту злость.

Макс уселся на диван и постучал по матрасу ладонью, приглашая Лошадь. Лошадь не отказалась.

– Я злая, Макс, что все так херово. Например, прекрас-

но и не зло было бы, если бы мы с тобой познакомились после школы, впервые поцеловались, лишились девственности, потом свадьба, дети, вместе на рынок и все такое.

– А почему то, что сейчас, тебя не устраивает?

– Ты шутишь? Еще вчера одна наша знакомая телка стул о меня сломала, я искренне в знак прощения руку резала, а только что обкончалась с ее парнем. Идеальная пара.

– Да прекрати ты... С Ниной я разберусь, – задумчиво произнес Макс.

– Как ты с ней разберешься?! – громко удивилась Лошадь. – Насколько я поняла, вас не только секс связывает, но и секреты, раскрыть которые все равно что себе срок подписать.

– О чем ты?

– Ну, например, эта история с Вероникой и ее депутатом. Он, если узнает, что вы его так жестко кинули, мозги вам вышибет. Нина в курсе этой истории?

– Конечно в курсе, – вспыхнул Макс, – об этом все наши знают, потому что все участвовали в этом состязании.

– Хорошенькое состязание, – нервно ответила Лошадь. – Скажи, она же и в машине была рядом с тобой, когда вы ту бабу сбили?

– Лошадь, а откуда ты все знаешь? – удивился, отрываясь от подушки, Макс.

– Я разговаривала со всеми ребятами, – практически кричала, оправдываясь, Лошадь, – а они напуганы всей этой

«ЗАВЯЗКОЙ», поэтому и сливают. И если они мне сливают предположения, то Нина, узнав про нас, точно сдаст, что ты сбил ту тетку на пешеходном переходе.

– Послушай, Лошадь, – тоже переходя на крик, продолжил Макс, – Нина уже давала показания. Она не может их изменить и сказать: «Извините, вспомнила – я рядом сидела под коксом. И это я визжала, как подорванная, с этими уродами на заднем сиденье, и это я, совершенно охерев от кокаина, глаза Максу закрыла шутки ради. А он, пока разжимал мои руки, размазал бабу по асфальту».

Макс вдруг отчетливо понял, насколько глубоко зависит от Нины, как много она знает про него и как сложно будет оторваться... Он посмотрел на Лошадь. Он хотел ее. В Лошади он, наконец, увидел спасительную шляпку для бегства от всей этой компании бывших наркоманов с их тайнами и интригами. Лошадь, глядя на него, словно читала его мысли. Она почувствовала, насколько ему сейчас плохо, и потянулась к нему. Макс обнял Лошадь, прижался, почувствовал себя маленьким мальчиком. И заплакал.

Тихо, без звука.

Слезами.

Большими.

Тяжелыми.

Лошадь гладила его по голове и успокаивала едва слышно, одними губами: «ш-ш-ш-ш-ш-ш». Она не знала, что думать, что предпринимать дальше, и тут в дверь постучали,

раздался голос:

– Обслуживание номеров.

Лошадь отпустила голову Макса.

– Я открою, Макс, – сказала уже мягко, с пониманием того, как нужно сейчас быть с ним нежной.

– Хорошо, я в ванную, – быстро вытирая слезы, сказал Макс и ушел в глубь номера.

Лошадь бросила взгляд в зеркало, поправила волосы, улыбнулась самой себе и открыла дверь.

Кто-то ввалился в номер вместе с открывающейся дверью, быстро зажал ей рот рукой, не давая закричать, другой рукой ловко вонзил иглу в шею и впрыснул содержимое шприца. Через секунду Лошадь обмякла и сползла на пол.

Макс ополоснул лицо холодной водой, вытерся и вышел из ванной. На полу валялась Лошадь. Он даже не успел привычно проанализировать ситуацию, как получил слева сзади удар по голове, в ухе образовалась пробка, а тело потеряло равновесие. Падая, Макс успел подумать «омерзительно» и улыбнуться. Улыбнулся он потому, что много раз в фильмах и детективных романах, когда герой неожиданно терял сознание, был ранен или умирал, он почему-то не говорил «бля-я-я-я-я-я-я!», а выдавал все что угодно – «ой», «прощай» или еще какую-то филологическую ерунду. А ведь именно «бля-я-я-я-я» должен говорить любой адекватный человек без комплексов псевдонравственности. Взять, к примеру, совсем невинную ситуацию – пропущенный гол в во-

рота любимой команды или нереализованный пенальти. Что кричат болельщики, тренеры, футболисты и телезрители? Разумеется, что не «плохо». И, падая, Макс успел остановить свое «бля-я-я», заменить его на «омерзительно» и улыбнуться своему чувству юмора и интеллекту, не утраченному даже в такой неконтролируемой ситуации. Когда он упал на пол, чья-то нога омерзительно небрежно придавила его голову к полу, и в шею ему воткнулась игла.

Сознание возвращалось очень медленно. Еще не открыв глаза, Физ понял, что происходит что-то ненормальное. Он вспомнил, как на него напали в машине. Поэтому решил не открывать глаза, а прислушаться. Он чувствовал, что руки его связаны за спиной, а сам он лежит на левом боку. Шею его не плотно охватывала тряпка или веревка. Еще одной веревкой была привязана к чему-то его правая нога. Получалось, что ни встать, ни двинуться с места невозможно. И он понимал, что лежит на бетонном полу.

Анализ ситуации прервал нервный голос Вероники:

– Физ... Физ...

Физ открыл глаза. В двух метрах, лицом к нему, со связанными руками и веревкой, обвивающей шею и уходящей к потолку, лежала Вероника.

– Физ, – простонала Вероника, – что это все такое?

– Не знаю, – пытаюсь сконцентрироваться, ответил Физ.

За лежащей Вероникой приподнялась чья-то голова, но

тут же вновь опустилась.

– Физ, это я.

Физ узнал голос Макса.

– Что это за байда, Физ? Это же кино какое-то. Что происходит?

– Макс, я не знаю... – задумчиво отреагировал Физ. – Тут еще Вероника лежит.

– Макс, что это такое? Может, шутит кто? – подала голос Вероника.

– Сомневаюсь, что это шутка, – выдохнул Макс. – Тут передо мной еще Лошадь, но она в отключке пока.

– Что это все такое?! ЭЙ!!! – не сдержав эмоции, прокричала Вероника.

– Не ори, Вероника, – пытался успокоить девушку Физ. – Это не поможет. Надо ждать. Те, кто нас связал, сами решат, когда начать.

– Начать что?! – выдохнула Вероника.

– Начать говорить с нами, объяснят, в чем причина и что хотят.

– Физ, посмотри, там в стене какие-то телевизоры, – предположил Макс. – На хера они? Это же не «Ночь пожирателей рекламы»?

Физ и Макс улыбнулись.

– Вы еще шутите в такой ситуации?! – опять повысила голос Вероника. – Охерели, что ли?!

– Вероника, ты лучше бы не кричала, а грехи свои вспо-

минала. Судя по всему, тебе предстоит их увидеть на этом мониторе, – сказал Макс. – Видишь, даже табуретки поставили перед мониторами для удобства просмотра. Видно, не короткий метр будет.

– Почему мы здесь, Макс? – серьезно спросил Физ. – Нас всех практически ничего не связывает, я пытался анализировать. Нет кого-то одного, перед кем мы все виноваты, – я, ты, Лошадь и Вероника.

– Может, тут ни при чем вина, Физ? – улыбнулся Макс. – Может, у кого-то ребенок от передоза умер, вот он и мстит. А так как не знает, кому мстить, мстит бывшим наркоманам – за то, что живы. Не знаю я, если честно. Мне даже лень об этом думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.